

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

М.Г. Лазар

**СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ:
СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО**

M.G. Lazar

**THE SUBJECT OF A MODERN SCIENCE:
A PARITY INDIVIDUAL AND COLLECTIVE**

В статье раскрывается соотношение индивидуального и коллективного в научном творчестве, специфика и черты научного знания как продукта и предпосылки научного прогресса, свойства личности ученого, способствующие творчеству. Рассматривается специфика и формы разделения труда в современной науке, роль научного сообщества в формирование общества знаний.

Ключевые слова: постакадемическая наука, субъект науки, порядок знаний, общество знаний, личность ученого, научное сообщество, разделение труда.

In article the parity individual and collective in scientific creativity, specificity and lines of scientific knowledge as product and the precondition of scientific progress, property of the person of the scientist, promoting creativity reveals. Specificity and forms of division of labor in a modern science, a role of scientific community in formation of a society of knowledge is considered.

Key words: the post academic science, the subject of a science, an order of knowledge, a society of knowledge, the person of the scientist, scientific community, division of labor.

Науку "делают" ученые, люди со специфической подготовкой, труд которых создает новое научное знание. В чем видят они свою цель, к чему стремятся? Что ими движет, что их волнует? Любой человек может стать ученым или для этого необходимы, кроме соответствующей подготовки и определенные черты личности? Изучение субъекта научной деятельности, условий его воспроизводства является магистральным направлением социологии науки, поскольку определенное поведение людей науки является и условием функционирования данного социального института, и его порождением. То же самое можно сказать о научном знании: оно является одновременно предпосылкой и условием развития науки, но и главным результатом научного творчества и деятельности, как отдельного ученого, так и научных коллективов, различных уровней субъекта науки.

«Сам ученый как деятель (личность, конечно, сформированная социально) есть и "следствие" и "причина" развития науки – "следствие" предшествующего развития и "причина" последующего. Только через это единство, постоянно имея его в виду, и ни в коем случае не разделяя его на составные части, можно понять, как через деятельность ученых осуществляется развитие научного знания, как возникает новое научное знание, которое, с одной стороны, определяется объектом и предыдущим научным знанием, а с другой – отвечает потребностям общественной практики» [Мирская, 2010:24].

Задачей данной статьи является раскрытие основных свойств человека науки – отдельного ученого как проявление субъекта науки, его зависимость от других уровней научного сообщества – формальных и неформальных совместных форм научного труда, от специфики и форм разделения труда в современной науке. Изучение этих проблем возможно, лишь раскрывая специфику научного знания, его место и роль среди других форм (порядков) знания в целом.

Отметим, что сегодня в России широко распространена точка зрения о том, что мировая наука (западного типа) в своем развитии прошла три этапа, три стадии: классическая наука, образовавшаяся в XVII–XVIII вв. и доминирующая до конца XIX в., неклассическая – утвердившаяся в конце XIX и первой половине XX в. и постнеклассическая (или постакадемическая) наука, зародившаяся в 60–70-е годы XX в. и бурно развивающаяся в XXI в. Каждому этапу соответствовали разные методологические принципы изучения, разные типы рациональности [см. Степин, 2008] и соотношения «субъект – объект познания», разные нормативные системы, формы организации и финансирования. Эта схема развития науки описывает ее скорее как систему знаний, чем форму духовной деятельности и социальный институт. Это важно подчеркнуть, поскольку в России, науковедение представляя науку как целостное и динамически развивающееся социальное явление, «сохраняет автономное рассмотрение двух взаимосвязанных составляющих науки: науки как *системы развивающегося знания*, нацеленного на объективированное, системно-структурированное и обоснованное знание о мире (предмет философии и методологии науки), а также науки как *сферы деятельности* специфического профессионального сообщества и *социального института* (предмет социологии науки)» [Киященко, Мирская, 2008:7-8]. Но такую «этапизацию» развития науки можно понимать и как характеристику доминирующих тенденций развития науки на определенном этапе времени и в этом смысле – она верна, что не исключает одновременное сосуществование в разных регионах мира двух из указанных выше «этапов». Иная точка зрения представлена в недавней работе Л.Г. Ионина [Ионин, 2007:29-50], в которой кратко рассматриваются идеи немецкого исследователя Г. Шпинера, изложенные им в работе «Порядок знания. Организующая концепция третьего фундаментального порядка информационной эпохи» (1994). Главная идея немецкого ученого состояла в том, что в эпоху общества знаний, наряду с правовым и хозяйственным порядками существует еще один фундаментальный поряд-

док современного общества – *порядок знаний*. Порядок знаний, по его мнению, существовал всегда, но раньше он не являлся фундаментальным. Классический, или старый порядок был представлен тремя формами: а) академическое научное сообщество (в виде «республики ученых» XIX столетия или «научного сообщества» XX в., которые оказали огромное влияние на социально-политическую жизнь, став как бы образцом формирования демократических принципов в обществе); б) буржуазная модель либеральной общественности, положившая начало формирования принципов свободы слова, веры, прессы и т.д.; в) принцип свободного развертывания личности на базе обоснованных основных прав и свобод, которые обеспечиваются каждым более или менее демократическим государством [Ионин, 2007:30-31]. Этот старый порядок знания не был всегда и всюду реализован полностью. Он существовал как в качестве идеального типа, являясь методологическим орудием исследования науки, но и в качестве идеальной регулятивной идеи, на которую ориентировалась практическая деятельность конкретных ученых и деятельность научных организаций. «Формирование этого порядка знания, сосредоточенного в основном на науке, но являющегося вместе с тем одним из проявлений общей тенденции к свободе, ... стало проявлением того самого процесса онаучивания, который был сердцевиной социального развития в эпоху модерна. Именно тогда сложилось существующее и поныне теснейшее взаимодействие между научным прогрессом и общественным развитием» [там же, с. 32]. Но постепенно, вследствие развития информационных технологий, возникновения информации как новой формы опыта, т.е. формирования новых технологий знания значительно разрушается и ослабевает классический порядок знания, *возникает новый порядок знаний*. В новом порядке, по мнению Г. Шпинера, возникают восемь более или менее автономных областей регулирования знания:

- академический порядок знания, где реализуются классические принципы свободы знания и преподавания;
- архивно-библиотечный порядок знания для сохранения задокументированного знания;
- конституционно-правовой порядок знания, ориентированный на обеспечение свободы мнения, информационных и прочих, связанных со знаниями прав личности;
- экономический порядок знания, где знания коммерциализированы и рассматриваются в качестве товара;
- технологический порядок знания, где обеспечивается техника изготовления и «процессирования» знаний;
- бюрократический порядок знания, где сосредоточены документы и данные, управляемые в согласии с определенными принципами, которые локализованы где-то «между служебной тайной и демократической открытостью»;
- военно-полицейский порядок знания для особого рода знания, связанного с проблемами безопасности, – техническое, бюрократическое, полицейское тай-

ное знание для потребностей правительства, военных ведомств, секретных служб;

– интернациональный порядок знаний, обеспечивающий внутригосударственный и соответственно международный поток новостей, ... прежде всего через массмедиа» [там же, с. 33-34].

Этот подход к современному обществу представляется более содержательным, чем абстрактное понятие «информационное общество». Концепция нового порядка знаний, хотя и пользующаяся традиционным немецким словом «новый порядок», открывает для социологии науки и знаний возможность получения более адекватных представлений о новой ситуации современного исследовательского мира, о субъекте науки, в частности.

Конечно, в данной работе мы касаемся лишь академического порядка знаний, основными институтами которого выступают академические учреждения (университеты, исследовательские институты и лаборатории, частично – научные отделы промышленных корпораций, занимающиеся фундаментальными исследованиями), а институциональными ролями являются такие как: *исследователь, ученый, консультант в виде независимого эксперта*. Этот порядок знаний функционирует на базе классических норм этики науки – мотивация на познание, преследование истины, честность в представлении научных результатов, открытость к критике, объективность, проверяемость результатов и т.п. (о чем речь в будущих статьях). Но следует учесть, что этот порядок знаний существует и переплетается сегодня со всеми другими областями порядка знаний, что существенно меняет сложившееся представление о нем как образце справедливости, равенства шансов, открытости к критике и т.п.

Почти до середины XX в. господствовало представление об ученом-творце, поэтому первый этап исследований проблематики субъекта науки, был связан с попыткой понять деятельность в науке – научное творчество через *специфику творческой личности* вне ее социальных связей. Личность ученого рассматривалась преимущественно как психологическая индивидуальность и в таком своем качестве оказывалась *причиной* всех событий в процессе научной деятельности. Однако как только эти исследования стали более-менее систематическими, выяснилось, что при таком подходе нельзя ответить на вопрос, почему ученый обладает таким, а не другим набором качеств, почему он интересуется этими, а не иными проблемами, руководствуется именно данными мотивами и т.д. Описание не обеспечивало понимания. Стало ясно, что понимание ученого как деятеля науки не может быть достигнуто путем рассмотрения отдельных конкретных лиц.

Поиск источника устойчивых закономерностей в научной деятельности привел к рассмотрению *научного сообщества как групповой формы субъекта науки*. Научное сообщество имеет как дисциплинарный, так и общенаучный уровни существования. Каждый ученый осуществляет свой труд непременно как член определенного научного общества. Те разнообразные отношения,

в которые он при этом входит, очень существенны для него и в то же время весьма устойчивы: члены научного сообщества сменяются, а характерные для него формы социального взаимодействия сохраняются. По-видимому, чтобы понять человека в науке, надо проанализировать отношения, связывающие людей в их деятельности, и механизмы, составляющие основу развития этой сферы (подробнее об этом см. [Лазар, 2010б]). Тогда феномены, обусловленные, на первый взгляд, только личностью ученого (и притом случайным образом), выступают как проявление необходимых условий функционирования науки.

Такой подход оказался характерным для второго этапа изучения человека в науке (60-е годы XX в.), немалые достижения которого принадлежат, в основном, американской социологии. Однако сформировавшаяся здесь социологическая парадигма в итоге оказалась достаточно жесткой, хотя она по-разному оценивается сегодня в мировой социологии науки. Р.К. Мертон и его школа сделали предметом изучения именно *деятельность в социальном институте науки*: по каким правилам действуют люди; какими нормами они руководствуются; какие роли выполняют; чем стимулируются они, т.е. система ценностей и наград; в какие объективные структуры стратификации и коммуникации включены [см. Merton (Мертон), 1965]. В данной концепции научное знание не подлежало социологическому исследованию, так как в этой модели знания и наука развиваются по собственной логике, т.е. наука идет вперед, следуя неким своим законам движения, независимым от людей, которые своей повседневной деятельностью это движение осуществляют. Готовя людей науки, формируя их интеллект и интересы, развивая определенные способности (или подбирая свой контингент по наличию таких способностей), самоорганизующаяся и саморегулирующаяся наука – по мнению сторонников таких представлений – обеспечивает, и всегда будет обеспечивать свое непрерывное и оптимальное функционирование.

Ясно, что при такой абсолютизации объективной детерминации всех процессов в науке, безличных сил социальной системы науки ученый оказывался только *следствием* этой системы. Результатом развития этого типа представлений о человеке науки явилась "утрата человека", фактически была зачеркнута вторая сторона неразрывного единства, характеризующего человека: *детерминированный общественным бытием, он в то же время является активной силой, порождающей и изменяющей это бытие. Без творческой активности человек не является человеком в полном смысле этого слова.*

В 1970-е годы в представлениях о науке произошли существенные изменения, в основе которых лежало новое понимание характера научного знания. Т. Кун обратил внимание исследователей науки на то, что в разных парадигмах ученые "видят по-разному", и тем подчеркнул релятивность научного знания, которое теперь стали понимать, в основном, как элемент сознания профессиональной группы. Начались попытки включить в социологический анализ и содержание научного знания. В результате этого возникла *социология научного*

знания, а с нею и совершенно иное понимание роли субъекта в научном познании.

Позитивистски ориентированная мертоновская социология науки, была подвергнута критике с позиций "интерпретативной социологии", которая на первое место ставила субъект познания. Для интерпретативной социологии в науке нет никаких объективно существующих структур – ничего, кроме взаимодействующих ученых. Поступки, мотивы, ориентации ученых – первичны, а структурирование социальных событий производится ими самими в повседневной совместной деятельности, что потребовало подробных наблюдений за течением повседневной работы в группе или лаборатории, детальной фиксации всех обсуждений, дискуссий, процесса выработки общей точки зрения и т.п. В это же время этот вариант "понимающей социологии" стремился рассматривать человека как активную силу и сделал автономию человека относительно социальных структур одной из своих основных теоретических посылок. Ученый вновь принят за *причину* всех событий в науке, но теперь ученый рассматривается не как психологическая индивидуальность, а как член социально функционирующей научной группы. Тем самым, сделана попытка учесть его зависимость от разнообразных социальных воздействий и от принятой к текущему моменту системы научного знания. Но здесь возникает другой "перегиб": ученого принимают за *единственную* "причину", которая определяет содержание научного знания. Такое понимание роли ученого опиралось на ставшую в то время популярной релятивистски-конструктивистскую концепцию научного знания, которая создавала возможность исследовать социальную обусловленность знания, но снимала вопрос о его объективной истинности. Такова краткая предыстория вариантов рассмотрения ученого как субъекта научного познания [см. Мирская, 2010б:24-27].

В советско-российской социологии науки впервые понятие «субъект науки» введено работами И.И. Леймана, И.А. Майзеля, Е.З. Мирской, В.Ж. Келле, других социологов и философов науки, чьи работы были нами рассмотрены в предыдущих статьях в этом журнале. В наши дни в российской социологии науки наблюдается тенденция интеграции некоторых указанных выше подходов, или, по крайней мере, осознается такая необходимость. В качестве равноценных понятий, обозначающих субъект науки, имеющих, однако, различные нюансы рассматриваются такие как: «ученый», «исследователь», «человек науки», «научный работник». Наряду с индивидуальным уровнем субъекта науки выделяется и групповой, коллективный, который изучается через призму таких понятий как «научное сообщество», «дисциплинарное научное сообщество», «научный коллектив», «незримые колледжи», «кадры науки» и другие. Действительно, «большая наука» XX в. и тем более XXI в. характеризуется тем, что в ней преобладает коллективное начало. Исходной единицей организационного строения является исследовательская группа, научный коллектив, в рамках которых осуществляется исследовательская деятельность отдельных ученых. Кол-

лективный характер исследований в современной науке не вносит принципиальных изменений в процесс возникновения и продуцирования нового знания, которое рождается в результате творческих усилий отдельного, конкретного ученого. Меняется лишь уровень взаимодействия творцов знаний, скорость разработки идеи и внедрения знаний в социальной практике, меняются организационные формы и финансирование научной деятельности. То есть существующее сегодня сложное разделение труда в науке, новые сложнейшие информационные технологии не вносят принципиальных изменений в продуцировании знаний, не затрагивают сущности научно-исследовательской деятельности – процесса рождения новой идеи. С этим можно согласиться при следующей оговорке: *разделение труда существовало в научном познании всегда. Во все времена теоретическая разработка той или иной идеи и тем более ее практическое воплощение были результатом деятельности многих ученых*, значительная часть которых выполняла роль живой передающей среды, вне и помимо которой знание не может существовать как общественный феномен, как социальная ценность. «Изначальная, сущностная коллективность процесса познания выражается не в том, что каждый конкретный шаг в познании действительности является результатом деятельности совокупности индивидов, «хором» высказывающих новую идею или производящих ее на некоем конвейере, а в том, что индивидуальность любого вклада, ... является лишь моментом коллективного процесса познания, осуществленного научным сообществом как подлинным субъектом познавательной деятельности» [Введение в социологию науки, 1992:23]. Это означает, что индивидуальный результат научной деятельности, будучи по своей природе всеобщим, коллективным, становится собственно (научным) знанием и ценностью лишь тогда, когда воспринимается другими участниками научно-познавательного процесса, когда обретает соответствующую своей сущности коллективную форму существования и дальнейшего развития. Другими словами «носителем знания как актуально существующего образа действительности всегда выступает не общество в целом, а определенная его часть – профессиональное сообщество ученых. Только восприняв результат индивидуальной научной деятельности как свой собственный, научное сообщество делает его знанием» (там же). Этот момент необходимо иметь постоянно в виду при рассмотрении проблемы соотношения индивидуального и коллективного в создании новых научных знаний.

Зависит ли научное знание от индивидуальных черт субъекта науки, от его образа окружающего мира и образ этого мира от ученого? Думается, здесь существует взаимная зависимость. Если верно, что индивид, каждый ученый видит мир глазами общества (культуры) к которому принадлежит (вспомним «понимающую социологию» М. Вебера), то не менее верно и то, что общество видит мир глазами определенного индивида. ТВ доказывает это ежеминутно и ежедневно. Поэтому деятельность творцов научных идей и теорий не может рассматриваться как случайный фактор по отношению к объективной логике

развития научного познания. *Индивидуальность ученого, черты его психики, индивидуальной культуры и стиля мышления, как и вехи личной биографии, влияют на постановку и решение научных проблем.* Выдающийся ученый по определению является и выдающейся индивидуальностью. Иллюзия свободы научного творчества от человеческих интересов, пристрастий существовала всегда, но *нет большего заблуждения, чем представление об ученом как о воплощении объективности и беспристрастности,* хотя нормы и идеалы науки требуют именно такого отношения ученого к делу.

Дело в том, что ученые не могут предоставить действительных "свидетельских показаний" о самом процессе творчества. Этот процесс характеризуется, прежде всего, поглощенностью объектом, полной "погруженностью" в него, что связано с забвением всего остального вплоть до собственной личности. Сознание в этом процессе действует как целое, что исключает возможность самоконтроля.

Как правило, ученые не хотят оставлять "свидетельских показаний" о том, как в действительности протекал творческий процесс. Гельмгольц отмечал, что ученые обычно показывают "царственную дорогу" открытия, обнаружившуюся после получения нового результата, а не те реальные тропы, по которым они "карабкались» в поисках нового, отмеченные муками их мысли. С одной стороны, такова традиция естественных наук, в которых ценят лишь результат, а не путь к нему. С другой стороны, это вопрос престижа у широкой публики: необъяснимый комплекс свойств творческой личности выглядит куда эффектнее, чем рутинная исследовательская работа.

Реальная история науки и творцов ее развития – это история бескомпромиссной, непримиримой борьбы за утверждение собственных (новых) идей, это споры, в которых стороны чаще всего не слышат друг друга, это дискуссии, в которых стороны не переубеждают друг друга. И если, в конце концов, торжествует истина, то это происходит скорее, потому что все участники этого процесса имеют в качестве личной установки достижение максимальной объективности этой истины, а время и практика все расставляет по свои местам. *Лишь на поверхности наука оказывается очищенной от всего личного, представляется лишенной субъективности.* Современные социально-психологические и социологические опросы ученых подтверждают великое многообразие личной мотивации занятия данной темой, наукой вообще. Выявить, что объединяет творческих личностей в науке, обладающих самыми разными склонностями и чертами характера – непросто, но это не значит, что нет связи между этими характеристиками и творческим потенциалом ученого. Крупных ученых всегда характеризует высокая творческая одаренность, развитый интеллект, целеустремленность, независимость суждений, эрудированность, разносторонность интересов, а иногда и чувство юмора. Но не только социально-одобряемые, «положительные» черты могут способствовать успеху. Определенную роль в этом играет и наличие «неодобряемых» черт – стремление к славе, повышенное честолюбие,

упрямство (которое воспринимается как преданность идее, делу).

Несомненно, одной из главных, самых интересных и практически актуальных характеристик творческой личности в науке – это *необычно высокая мотивация*, заставляющая многих ученых жертвовать радостями жизни ради науки. Есть два вида мотивации ученого: *внутренняя мотивация*, вдохновляемая интересом к изучаемому предметом, жаждой нового знания о нем, повышенным любопытством и *внешняя мотивация* – основанная на стремлении к более высокому достатку, к высокой зарплате, большей известности, признании. Они переплетены и дополняют друг друга, но лишь в той мере, в которой в данном обществе существует соответствие между вкладом отдельного ученого и социальным признанием его заслуг, т.е. наличие высокого статуса профессии ученого. Когда нет внешней мотивации, «срабатывает» на максимум первый тип. Пример российских ученых, продолжающих работать в науке «за гроши» в течение последних 20 лет – тому доказательство. Однако, конфликт внешней и внутренней мотивации может порождать низкую самооценку и соответственно, снизить эффективность труда отдельного ученого и целых коллективов.

Специфика научного труда заключается в том, что это преимущественно творческий труд, результатом которого является неизвестный ранее, нестандартный, оригинальный продукт – новое знание. Чем оригинальнее этот продукт, чем он ценнее. В предыдущей статье в этом журнале [Лазар, 2010a], нами были раскрыты свойства научного знания – обоснованность, доказательность, новизна, неизнашиваемость в результате многократного пользования им, моральное устаревание. В науке, как фундаментальной, так и экспериментальной, во всех ее отраслях, существует много «черновой», рутинной, нетворческой работы (сбор информации, эксперименты, работа в архивах и пр.), без которой невозможно получение нового результата, само существование науки. Люди, осуществляющие эту работу, часто не имеющие ученые степени и звания также являются учеными, хотя их часто и называют «исследователями», «научными работниками», «людьми науки». Мозг ученого продолжает работать над проблемой и «вне рабочего места и времени», даже во сне, поэтому чрезмерная формализация научного труда в рамках научных учреждений лишь препятствует его эффективности, успеху.

Что касается *разделения труда в современной науке*, то, кроме указанных выше институциональных ролей, выделяются и такие типы:

Инициаторы, обладающие «быстрым умом» и множеством удачных идей (их называю и «генераторами идей»). Они не любят придавать своим мыслям законченную форму, обдумывать детали их разработки, часто тщеславны и амбициозны, даже заносчивы.

Методологи («теоретики») наделены в максимальной степени творческими способностями, в общении непринужденны, социабельны.

Третий тип – *исполнители (экспериментаторы)*, спокойны и обязательны, они обладают талантом решать уже поставленные проблемы, придумывать аде-

кватные приборы, усидчивы и добросовестны.

Есть и четвертый тип – *информатор*, который сегодня является большим знатоком компьютерных технологий, он умеет составить грамотные заявки на гранты для себя и коллег, для лаборатории, кафедры. По другой типологии, в современной науке по-прежнему существуют «*новаторы*» и «*адапаторы*». Первые пренебрегают мнением группы и традициями прошлого, совершают интуитивные скачки за рамки устоявшихся представлений о какой либо научной проблеме. Они стараются (вернее, способны) взглянуть на проблему под новым углом зрения, разрушая тем самым привычные способы из решения. Вторые – с легкостью переходят от одной теоретической схемы к другой, проводя самые неожиданные аналогии.

Что касается семантики разных обозначений индивидуального уровня субъекта науки, то можно отметить следующее. Понятие «*ученый*» имеет оценочный характер и указывает на то, что данный человек внес определенный вклад в науку, имеет признанные результаты и соответственно, обладает признанными научным сообществом формами квалификации и поощрения: ученую степень, ученое звание, гранты, премии, медали и т.п. Понятие «*научный работник*» – указывает на занятие наукой в рамках специфических исследовательских организаций, характерных для данной страны (ученый в организации). Это – обозначение профессии ученого на языке статистики, номенклатур профессий, наряду с такими как «врач», учитель», «артист» и т.п. Понятие «*исследователь*» указывает на род занятий в рамках разделения труда в науке, наряду с такими видами занятий как конструктор оборудования, экспериментатор, программист, менеджер по внедрению, менеджер по продвижению инноваций, инженер и другие. Что касается характеристик и роли коллективных форм и *уровней субъекта науки* – научных сообществ, научных школ, «незримых колледжей», сетевых сообществ, то они заслуживают отдельного изучения и будут рассмотрены нами в следующей статье.

Подводя итоги характеристики субъекта науки, можно констатировать, что ученые – это специализированная группа людей, формирование которых предполагает не только длительную профессиональную подготовку (учебу и стажерство в научных, исследовательских организациях), но и способность к научной работе. В условиях постакадемической науки формирование субъекта науки требует прохождения «школы» у признанных мастеров в виде магистратуры, аспирантуры, докторантуры, соискательства, но и наличия особого любопытства, т.е. склонности к исследовательскому труду. Сохранение субъекта науки и научного потенциала современной России предполагает наличие действенной системы отбора среди молодых выпускников вузов, повышение образовательных стандартов и требований к студентам, участие студентов в совместных исследованиях с преподавателями кафедр или сотрудниками исследовательских учреждений еще во время учебы. Но самое главное условие сохранения субъекта науки в современной России – это востребованность науки и научно-техни-

ческих знаний со стороны общества и власти, чего пока не наблюдается. В условиях невостребованности науки и знаний, разрыва между реальным вкладом творцов науки в потенциал страны и их плачевным материальным положением нарушается преемственность поколений в науке при явном старении кадрового потенциала. В науке наблюдается деградация нравственных отношений на фоне падения ее престижа и перехода российского общества к иным моральным ценностям, главная из которых – материальный успех любой ценой, когда престижно стало одно: уметь зарабатывать как можно больше, не слишком заботясь о средствах.

Литература

- Введение в социологию науки. Ч. 1 / Под ред. С.А. Кугеля. – СПб.: изд. СПУЭиФ, 1992. – 152 с.
- Ионин Л.Г. Социология в обществе знаний. – Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 430 с.
- Киященко Л.П., Мирская Е.З. Введение // Этнос науки. Коллективная монография. – М.: Академия, 2008. – 535 с.
- Лазарь М.Г. а) Социальный институт науки как предмет социологии и науковедения // Уч. зап. РГГМУ, 2010, № 15; б) Коммуникации в современной науке: социологические и этические аспекты // Уч. зап. РГГМУ, 2011, № 18.
- Мирская Е.З. а) Новые информационно-коммуникативные технологии в российской академической науке: история и результаты // Социология науки и технологий, 2010, т. 1, № 1, с. 126-139; б) Человек в науке: социологические дискуссии XX века // Социология науки и технологий, 2010, т. 1, № 4, с. 23-43.
- Степин В.С. Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности. – М.: Этнос науки, 2008, с. 21-47.
- Merton R. K. The ambivalence of scientists // Science and society / Ed. N. Kaplan. N.Y., 1965.